

циального поведения, в процессе которого образуются высшие ценности определенной культуры, а у человека вырабатывается потребность настаивать на них и защищать их [Лоренц 1998: 438-439]. В концепции Ю.В. Монича эта функция получила название *связующе-объединяющей*, характеризующейся обращенностью к «своему» адресату, она способствует сплочению людей в единое целое [Монич 2001: 192]. По мнению Н.А. Хренова, именно назначение ритуала «способствовать развитию социальности, через которую происходит объединение индивидов в большие человеческие коллективы, является одной из универсальных функций ритуала» [Хренов 2003: 65].

Из этой функции вытекает следующая важная функция ритуала, а именно: *функция поддержания сплоченности группы и изолирования ее от других*, которая, по К. Лоренцу, заключается (на уровне культурных групп, объединяющихся общими культурными ценностями) в укреплении их единства путем противостояния другим культурным или субкультурным образованиям, рассматриваемым как враждебные и несущими опасность [Лоренц 1998: 439]. Аналогичную по смыслу функцию предлагает в своем исследовании Ю.В. Монич, номинируя ее как *защитную* или *охранно-оборонительную*, характеризующуюся обособлением определенной целой культурной группы от внешней среды и обращение к «чужому» адресату [Монич 2001: 192]. Таким образом, в указанных функциях, по мнению Ю.В. Монича, реализуется амбивалентный характер ритуала, который выражается одновременной направленностью к двум противоположным адресатам: «своему» и «чужому» [там же].

Итак, ритуал пронизывает всю структуру общества и проникает во все сферы человеческой деятельности, в том числе регулирует производственно-экономические отношения. Ритуал можно считать явлением одновременно практическим и символическим, что подтверждается наличием многочисленных функций, это полифункциональный комплекс, который управляет жизнедеятельностью индивида на всех его уровнях и обеспечивает развитие культуры.

Литература:

1. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
2. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. М.: Издательство «Республика», 1998.

3. Мечковская, Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий [Электронный ресурс]. М.: Агентство «ФАИР», 1998. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/_psyzip/mechk01.zip.

4. Некрашевич, Р.И. «Внекультурная» функция ритуала // Мир психологии. 2003. № 1. С. 45-54

5. Режабек, Е.Я. Мифомышление. Когнитивный анализ. М.: Едиториал УРСС, 2003.

6. Сайко, Э.В. Ритуал – особый феномен, структурирующий отношения как важнейшее свойство человеческой деятельности // Мир психологии. 2003. № 1. С. 3-9.

7. Сарингулян, К.С. Культура и регуляция деятельности. Ереван, 1986.

8. Топоров, В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: «Наука», 1988. С. 7-49

9. Хренов, Н.А. Ритуал в контексте переходных эпох // Мир психологии. 2003. № 1. С. 26-55.

10. Яковенко, И.Г. Природа ритуала // Мир психологии. 2003. № 1. С. 17-26.

11. Durkheim, E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА – ВОПЛОЩЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО И КОГНИТИВНОГО (на материале французского языка)

С.А. Монсева, И.А. Волошкина
(Белгород)

Возможность постановки проблемы взаимодействия этнического сознания и когнитивного мировидения во фразеологической картине мира исходит из предположения о высокой способности субъектов языка воплощать в речемыслительной деятельности национальное/наивное и научное осознание действительности. Именно в точках взаимодействия человека, как существа социального и рефлексивного, с окружающим его миром возникают знаки косвенно-производной номинации [Алефиренко 2002: 72].

Фразеология является проекцией мира в языковом сознании, «формирующем в каждом языке свою языковую картину мира» [Кириллова 2003: 11], которая является системообразующим конституентом всеобщей системы, включающей самого человека и его окружение в целом. Она раскрывает этнокультурную специфику человека и его быта, субъективного взаимоотношения с миром как важнейшего усло-

вия его существования в этом мире, что важно учитывать при рассмотрении фразеологического фрагмента языковой картины мира.

Во фразеологическом составе языка в знаковой форме фиксируются ментофакты материальной и духовной культуры нации, отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, иллюстрирующая особенности менталитета конкретного этноса. В рамках новой парадигмы, предполагающей использование лингвокогнитивных методов для анализа фразеологических единиц (ФЕ), последние рассматриваются как языковые информативные знаки, как единицы ментального лексикона, хранящиеся в памяти национального сообщества и извлекающиеся в виде устойчивых неделимых наименований, отражающих не только культурное пространство языка, но и когнитивное видение мира носителем данного языка. Именно фразеологический субуровень языковой картины мира наиболее эксплицитно отражает специфику познавательного опыта этнического сознания, в основе которого закладываются знания и суждения об окружающем мире.

Фразеологические единицы обладают «многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть», которая мыслится и переживается носителем языка и включает эмоции, оценки, национальные образы, присущие данной культуре [Маслова 2004: 36]. Фразеологической единицей (ФЕ) становится то сочетание слов, выстраивающихся по определенной структурной модели, которое испытано временем в данном социуме на устойчивость, культурную значимость. Таковыми, в частности, являются фразеологизмы, отражающие реалии определенного общества, объединенного территориальными, культурными и языковыми связями. Например, отмечено, что во французской фразеологической картине мира для объективации черт характера человека активно применяются наименования представителей провинций – *Normand, Gascon, Bretagne*. Так, нормандец считается человеком осторожным, сдержанным, скрытным и хитрым, который предпочитает отвечать на вопросы двусмысленно, уклончиво, дабы не попасть впросак, к тому же большой враль. Соответственно, возникли фразеологизмы: *c'est un fin Normand* 'он большой хитрец', *répondre en Normand* 'дать уклончивый, двусмысленный ответ'. Гасконец, умеющий с честью выйти из трудного положения, дав понять, что он не потерпел при этом поражения, славится своим красноречием и хвастовством, так появились ФЕ: *agir en Gascon* 'хвастаться, бахвалиться'; *faire la lessive de/ du Gascon* 'пускать пыль в глаза', *se tirer en Gascon* 'выкрутиться из неприятного положения' *garde(-toi)*

d'un Gascon ou Normand, l'un hâble trop et l'autre ment 'берегись гасконца и нормандца, один хвастун, а другой враль'. Бретонец слывет некультурным, своенравным упрямым, что подтверждает идиома *de bas Breton* 'необтесанный, некультурный'.

Замечание А.П. Бабушкина о том, что по лексикографическим определениям «можно судить о том, как понимались те или иные слова <...> в ходе исторического развития социума, можно изучать историю науки и историю познания человеком окружающего мира» [Бабушкин, Жукова 1999: 32], можно отнести и к фразеологизмам. Появление нового фразеологического знака, его структурно-семантической модели связано с осмыслением человеком той или иной информации, полученной в процессе предметно-практического постижения внеязыковой действительности различными способами. В результате в сознании формируются ментальные структуры, содержащие существенные и несущественные признаки, находящие свое выражение в значении языковой единицы. Фразеологическая семантика фиксирует преобразование предметно-чувственного познания в герменевтическое, вскрывающее глубинные уровни познаваемого и наименованного объекта, позволяющее выявить сложные связи и отношения, недоступные непосредственному восприятию [Лурия 1998: 323]. Такого рода процессы обнаруживаются в значении фразеологизмов с имплицитным смысловым содержанием, эксплицирующимся на вербально-логическом уровне. Так, фразеоборот *mi-figue, mi-raisin* 'ни то, ни се', сформированный во французском языковом сообществе в XVIII в., репродуцирует знания, сопровождающиеся информацией об обозначенных в составе языкового знака референтах: *'figue – fruit sucré charnu et comestible du figuier'*; *'raisin – fruit aigre de la vigne, ensemble de baies réunies en grappes sur une rafle'*. Семантическая структура фразеологического оборота построена на основе осознанной национальным сознанием информации о распространенных во французской этнокультуре фруктах, являющихся в некотором смысле её символами (оба плода используются для приготовления вина), в которой доминантными выступают вкусовые признаки «сладкий – кислый». Их контрастное противопоставление, а также повторение форманта существительного *mi-*, *mi-* (усеченный вариант слова *moitié* 'наполовину') символизируют во французском языке неопределенность качества, в котором имплицитно присутствуют оттенки «хорошего» и «плохого», что способствует возникновению представления о бесхарактерности человека. *Tenez, je ne peux pas me faire à être comme nous sommes, ni religieuses, ni civiles, ni figue, ni raisin...* (R. de Flers et G.-A. de Caillavet. *L'Âne de Buridan*) /

Послушайте, я не могу себя заставить быть как все: ни то монахиня, ни то светская женщина, ни рыба, ни мясо...

Во французском языковом сознании значение ФЕ *ahuri de Chaillot* 'болван неотесанный' сформировано в результате скрытого комбинаторного взаимодействия когнитивных и этнических смыслов входящих в нее компонентов. Основанием для его образования послужили признаки обозначенных фразеолексами денотатов: '*ahuri – surpris et déconcerté au point de paraître stupide*' [Petit Robert 1980: 53], '*Chaillot – le nom du village à la banlieue de Paris (XVII–XVIII ss.), de 1784 c'est une région de Paris*'. Фразеоединица, происхождение которой связано с названием деревни, находившейся еще во времена Людовика XVI в. в предместьях Парижа, отражает отношение горожан к жителям деревень и поселков как к людям отсталым и неотесанным. Коммуникативно-прагматический импликационал данной языковой единицы раскрывается в дискурсивной ситуации, приобретая еще более яркую коннотативную насыщенность: *Lorsqu'elle ne parlait plus, elle prenait tout de suite la tête d'un ahuri de Chaillot, les yeux grands ouverts. Sans doute elle voyait son homme en train de valser (Zola. L'assommoir / – Когда она прекращала говорить, она сразу же принимала вид деревенской дуручки с широко раскрытыми глазами. Без сомнения, она видела своего вальсирующего мужа.*

Фразеологическая семантика является благодатной почвой для реализации достаточно широкого информативно-оценочного спектра с многообразными коннотативными оттенками. Мотивирующим фактором появления оценочного значения фразеологизма выступает взаимодействие знаний о двух денотатах: исходного словосочетания-прототипа, обозначающего факт реальной действительности и несущего в себе информацию о нем, и фразеологического знака, нацеленного на реализацию этой информации в отношении к оцениваемому объекту. Например, аксиологически релевантное мироосознание французским этническим сообществом представлено во фраземах, исходные словосочетания которых манифестируют отношение французов к соседствующим народам: в семантике ФЕ *traiter à l'anglaise* 'поступить бесцеремонно' обнаруживается возмущение, содержащееся в значении исходного словосочетания «поступить по-английски», происхождение которого связано с отношением французов к англичанам как к невоспитанному народу; в значении идиомы *querelle d'Allemand* (букв. – ссора по-немецки) 'ссора из-за пустяков' заключено осуждение, мотивированное издавна сложившимся во Франции мнением о немцах как о людях вспыльчивых и драчливых; значение фразеологического паратива *parler*

français comme une vache espagnole (букв. – говорить по-французски как испанская служанка, *vache* – уст. *basse* 'служанка') 'скверно говорить по-французски' передает презрение и иронию, возникшие в результате некогда бытующего во французском языковом коллективе убеждения, что испанские слуги плохо говорят на французском языке. Таким образом, вербализация этнокультурного знания посредством фразеологического знака сопряжена с объективацией эмоциональной информации.

Итак, фразеологическая репрезентация форм бытия основывается на когнитивных способностях представителей этноса, их познавательно-оценочной деятельности, понимании и представлении, категоризации мира. Результатом когнитивной деятельности является формирование отраженных в языковом сознании признаков. Значение знаков косвенно-производной номинации есть результат ментальной интерпретации объективной действительности. Своеобразие фразеологической семантики детерминировано интеграцией когнитивных и этнолингвистических факторов, взаимодействием языка, сознания и культуры.

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. К проблеме дискурсивно-текстового универсума культуры // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр.; под ред. А.А. Ворожбитовой. Сочи: СГУТиКД, 2002. Вып. 6. С. 5-12.
2. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: монография. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. Ч. 1: Природа и космос.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Мн.: Тетра-Системс, 2004.
4. Бабушкин А.П., Жукова М.Г. Перевод реалий в свете проблем когнитивной семантики // Проблемы культурной адаптации текста: тез. докл. Междунар. науч. конф.; редкол. Н.А. Фененко (отв. ред.) и др. Воронеж: Рус. словесность, 1999. С. 9-19.
5. Лурия А.Р. Язык и сознание. 2-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998.
6. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Ed. Nouveau Létré, 1980.